

Заклучэнне. Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч ставіў спектаклі, дзе сам быў рэжысёрам, акцёрам і музыкантам, але галоўнае тое, што ён быў аўтарам слоў, а таксама стваральнікам кампазіцыі твора і палічыў неабходным увесці такія элементы, як рамансы і куплеты. Роля дадзеных устаўных тэкстаў значная. Пра гэта сведчыць гісторыя ўзнікнення вадзільнага куплета і раманса, якія мелі распаўсюджванне ў Францыі на працягу трох стагоддзяў, пачынаючы з XVI, і выкарыстоўваліся для выкрыцця зладзённых палітычных і грамадскіх праблем. Айчыны драматург прымяняў куплеты і рамансы для характарыстыкі персанажаў, гістарычнай эпохі і сітуацыі. У гэтай нязмушанай, здаецца, камедыйнай форме аўтар змог раскрыць глыбокія сацыяльныя і духоўныя праблемы.

Спіс цытаваных крыніц

1. Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч : [фотаальбом] / [уклад. і аўт. тэксту Ф. А. Ястраб]. — Мінск : Беларусь, 2008. — 126 с.
2. Лойка, А. А. Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд : у 2 ч. / А. А. Лойка. — Мінск : Выш. шк., 1989. — Ч. 1. — 319 с.
3. Дунін-Марцінкевіч, В. Драматычныя творы / В. Дунін-Марцінкевіч. — Мінск : Маст. літ., 2006. — 124 с.
4. Рагойша, В. Паэтычны слоўнік / В. Рагойша. — 3-е выд., дапр. і дап. — Мінск : Беларус. навука, 2004. — 576 с.
5. Яцухна, В. І. Тэорыя літаратуры : у 3 ч. / В. І. Яцухна. — Гомель : Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, 2003. — Ч. 2. — 151 с.

УДК 82.0(476)

О. Н. Фенчук, Д. С. Косило

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

БАРАНОВИЧСКИЙ ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Введение. Локальный текст — научная категория, несущая в себе повышенный исследовательский потенциал. Он представляет собой корпус «текстов о месте», благодаря которым это «место» наделяется рядом характерных только для него черт. Историк П. Нора, специалист по вопросам исторической памяти, указывает на локальный текст как на «место памяти». Дополняя мнение французского историка, литературный критик В. Коркунов указывает на то, что «объединение анализа текстов с биографическим и историческим контекстами позволяет избавиться от их замкнутой самоцельности и рассматривать локальный текст в более многомерном пространстве» [2]. Таким образом, можно отметить, что исследователь локального текста имеет дело не с местом, а с образом этого места.

Впервые термин «локальный текст» ввел в литературоведение российский филолог Владимир Николаевич Топоров в своем исследовании «Петербург и “Петербургский текст русской литературы”» [7]. Понятие «петербургский текст» стало весьма популярным в российском гуманитарном знании, и по аналогии с ним многочисленные литературоведческие работы наполнились упоминаниями о «московском тексте» и других «локальных текстах» провинциальных городов и других российских территорий.

Как справедливо указывает литературовед В. Щукин: «Культурная функция заключается в создании и распространении некоего семантического и идеологического компакта — простого для понимания и усвоения комплекса понятий и эмоций, призванных ассоциироваться с данным местом. Он отвечает на возникающие в обществе вопросы типа: чем замечательны это место или местность (город, монастырь, завод, околоток и т. п.), в каком мире оказывается человек, там пребывающий, какие ощущения и события могут его ожидать?».

Основная часть. Предметом нашего научного интереса является барановичский текст. Отметим, что Барановичи как населенный пункт — сравнительно небольшой город, его локус мал, тем не менее с этим местом связаны интересные исторические и культурные факты. Можно ли сегодня говорить о локальном барановичском тексте белорусской литературы и может ли быть у малого локуса узнаваемое лицо в тексте? Давайте разберемся.

Локальный текст формируется как вокруг городов (петербургский, воронежский, минский и т. д.), так и регионов (сибирский, полесский и пр.). Локальный текст выступает одновременно как текст культуры и как текст литературы. Именно об этом идет речь в работах В. Н. Топорова, В. Абашева, Н. Е. Меднис и др.

Нас интересует в аспекте нашего исследования наличие локальных текстов белорусской литературы. Безусловно, двуязычие современной Беларуси делает эту проблему, с одной стороны, запутанной, с другой — более увлекательной и интересной. Сегодня с уверенностью можно говорить о «виленском» и, с некоторыми оговорками, о «витебском» и «брестском» локальном текстах белорусской литературы. Так, исследователь П. Лавринец справедливо указывает: «Вильнюсский (виленский) текст

относим к тому же классу текстов, к которому принадлежат хорошо изученный *петербургский текст* и отличающийся от него по ряду признаков *ленинградский*, а также *московский текст*, недостаточная разработанность проблематики которого объясняется, с одной стороны, его соотносительностью с *петербургским текстом*, с другой — незавершенностью самого текста, который «продолжает создаваться на наших глазах», и *киевский текст* (сама возможность последнего, впрочем, некоторыми исследователями отрицается)» [4].

В рецензии на книгу В. Брио “Wilno — **ווילנע** — Vilnius” Павел Лавринец пишет, что «в разнородных сочинениях поэтов и писателей, принадлежащих к различным национально-культурным традициям, обнаруживаются одни и те же пространственные и архитектурные мотивы, легендарные сюжеты, исторические и литературные аллюзии, те же смещения и взаимопроникновения времен. Интерпретация Вильнюса как мифопоэтического пространства, генерирующего свой собственный текст, потребовала бы иного исследовательского аппарата и отчасти другого материала. Если же понимать «вильнюсский текст» как образ города в литературах польской, еврейской, литовской (а также русской и белорусской, чего Валентина Брио едва касается)» [3, с. 114]. Эта мысль указывает на сложность и неоднозначность решения проблемы — «вильнюсского текста». Этот текст складывается из произведений белорусских, еврейских, литовских, польских и русских писателей. Следовательно, исследование локального текста способствует получению сведений о культуре, истории, национальных образах и характеристиках людей, представляющих зачастую разные народы определенной местности. Вместе с тем такой текст рисует сходные картины действительности.

Помимо католических храмов в «вильнюсском» тексте встречаются православные церкви, а потому у русских писателей, побывавших здесь, город Вильно «и свой, и не свой». Необычные имена и названия, причудливая архитектура готических и барочных храмов выступают знаками удивительного сочетания объектов старины и западной модерности. Легкая аура древности лежит на городе в стихотворении «Старая Вильна» Давида Самойлова. Старый университет, красная кирпичная мостовая, «Так было и при Гедимине: / Дымылся огонек в камине» [5, с. 111]. Поэт указывает на неизменное присутствие в настоящем прошлого и вневременность будничного существования города. Описания Вильнюса можно встретить в произведениях поэтов А. Кленова, Л. Озерова, Н. Старшинова. «Вильнюсский» текст в белорусской литературе проявил себя в творчестве таких поэтов, как Я. Колас, Я. Купала, М. Богданович, З. Бядуля, а также в произведениях белорусских авторов следующих поколений, например, в стихотворениях М. Танка «В Вильно» и «Вильнюс». Можно и дальше говорить о вильнюсском локальном тексте, но следует перейти собственно к заявленной теме.

Недалеко от Баранович, в деревне Столовичи, проходил службу русский поэт, участвовавший в восстании на сенатской площади, Кондратий Рылеев. Предполагают, что именно в это местечко приезжал польский поэт Томаш Зан на встречу с поэтом-декабристом. Первая мировая война в Барановичах и окрестностях коснулась удмуртского поэта Никифора Корнилова. Он принимал участие в боях под Барановичами. Никифор Корнилов — автор самой известной и самой любимой удмуртским народом песни «Сказал “прощай” и уехал...» [1, с. 168]. В произведениях К. Паустовского, космополитичного по рождению (писатель всегда указывал, что в его жилах польская, русская, турецкая и украинская кровь), но глубоко русского по духу, Барановичи упоминаются не раз в связи с Первой мировой войной. Барановичи были и на пути детской писательницы Софьи Захаровны Федорченко. Она служила сестрой милосердия в Первую мировую войну. Работала она в том же санитарном поезде, что и К. Г. Паустовский. Если говорить о локальном «барановичском» тексте, то увязывать его нужно, прежде всего, именно с событиями Первой мировой войны. Ставка Николая II, вокзал, пригороды Баранович становятся центральными локусами повествования различных авторов о городе. Барановичи упоминаются в дневниках И. Бунина и А. Толстого.

Константин Георгиевич Паустовский хорошо изучил местность, по которой прошёл пешком вместе с отступающей армией. Часто он бывал в окрестностях города Барановичи. «Я знал от Романина, что в нескольких километрах был старый лагерь для гарнизона Барановичей. Я надеялся, что застану в этом лагере какой-нибудь отступающий полевой госпиталь и пристрою к нему Зосю, до тех пор пока она не оправится», — заявляет герой автобиографической повести [6, с. 295]. Всё это подтверждают и письма писателя: «29 августа 1915 г. Дер. Гинцевичи, Минск. губ., около Барановичей. Здесь скверно, противно, здесь, наконец, опасно, не потому, что могут убить или искалечить, а потому, что так легко погубить свою душу, растоптать её, загрязнить тем морем злобы и грубости, которые хлещут вокруг. Нет, счастлив, по-моему, тот, кто не видел, не знает, что такое война вблизи» [6, с. 560]. Примечательный случай, запечатленный в дневниках писателя, нашел отражение в его повести. Недалеко от Барановичей К. Г. Паустовский принял роды у молодой женщины, спасающейся от наступающей немецкой армии. Названия мест, в которых побывал писатель, составляют географию его пребывания в Беларуси, а Барановичи занимают в этих описаниях важное место. Так, герой повести говорит: «В Барановичах я отряда не застал. Он уже ушёл дальше на Несвиж» [6, с. 306].

Недалеко от Барановичей находится озеро Свитязь. Это Гродненская область, Новогрудский район, но место это тесно связано с именем Адама Мицкевича — великого поэта, родившегося в Заосье — местечке, расположенном всего в нескольких километрах от Барановичей. Среди белорусских писателей интерес к городу проявляли многие мастера слова. Достаточно вспомнить стихотворение В. Некляева

«У Баранавічах снег» (возможно, и стихотворение «Чужая станция»), произведения Л. Майсюка-Дранько и др. Главными центрами притяжения в этих произведениях являются места, связанные с железной дорогой и вокзалом.

Заключение. Локальный текст суммирует все знания писателей о том или ином месте, представленном в совокупности этих текстов. Символическая ценность такого текста заключается в его знаковости, художественной идентификации того или иного локуса. История раз за разом строит свою «композицию» памяти, в динамике которой иногда теряется образ места, коллективная память о нем. Одна из главных задач литературы в том, чтобы сохранять «живые образы эпохи», а локальные тексты служат возвращению памяти истории. Локальный текст образуют только те произведения, в которых заключена существенная информация о легендарных событиях и свойствах данного места, о его репутации. Барановичи в этом отношении привлекают внимание писателей и поэтов. Следовательно, сегодня можно говорить о становлении такого понятия, как «локальный барановичский текст белорусской литературы».

Список цитируемых источников

1. Карлюкевич, А. Из Бреста — до Баранович: адреса русской литературы в Белоруси / А. Карлюкевич // Сибир. огни. — 2012. — № 4. — С. 162—168.
2. Коркунов, В. Локальный текст: к вопросу объединения биографического и исторического контекстов [Электронный ресурс] / В. Коркунов // Дети Ра. — 2014. — № 7 (117). — Режим доступа: www.detira.ru. — Дата доступа: 11.09.2018.
3. Лавринiec, П. Вильно — Вильнэ — Вильнюс / П. Лавринiec // Лехаи. — 2009. — № 1 (201). — С. 113—114.
4. Лавринiec, П. Мишкевич alias Ленин: к семантике персонажа виленского текста [Электронный ресурс] / П. Лавринiec // *Respectus Philologicus*. — 2004. — № 5 (10). — С. 64—76. — Режим доступа: <http://lavrinec.jimdo.com>. — Дата доступа: 17.09.2018.
5. Самойлов, Д. «Мне выпало всё...» / Д. Самойлов ; сост. А. Д. Давыдов. — М. : Время, 2000. — 624 с.
6. Паустовский, К. Г. Повесть о жизни : в 2 т. / К. Г. Паустовский. — М. : Современ. писатель, 1993. — Т. 1. — 640 с.
7. Топоров, В. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) / В. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. — М. : Прогресс, 1995. — С. 259—367.

УДК 373.3.03:811.161.1

Ю. Е. Шевцова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Введение. В настоящее время большое внимание уделяется подготовке молодого поколения к творческой деятельности во всех сферах жизни общества. В связи с этим повышается роль школы в воспитании активных, инициативных, творчески мыслящих и духовно богатых граждан страны.

Язык — важнейший фактор развития умственных способностей учащихся, их речи, нравственных качеств и в целом личности ребенка. Развивая речь ребенка, мы развиваем и его интеллект.

Анализ психолого-педагогической литературы по теме исследования позволяет предположить, что понятие «интеллектуальное развитие» так же, как и понятие «интеллект», в современной науке рассматривается неоднозначно. В дальнейшем мы будем придерживаться мнения П. Я. Гальперина, который определяет интеллект как сложное интегральное образование, включающее разные познавательные процессы и функции (мышление, память, внимание) в их взаимосвязи [1, с. 287]. Изучение различных структур интеллектуальных способностей позволило установить, что для развития личности младшего школьника нужно актуализировать следующие интеллектуальные способности: мышление, память, внимание.

Показателем уровня развития интеллекта, речевой культуры человека является его богатый словарный запас. Поэтому работа над словарём учащихся на уроках русского языка рассматривается как один из аспектов развития интеллекта и предусматривает четыре направления: а) обогащение словаря учащихся новыми словами и новыми значениями уже известных слов; б) уточнение словаря; в) активизация словаря; г) устранение нелитературных слов, перевод их из актива в пассив [2, с. 132].

Основная часть. Цель нашего исследования — выявить уровень развития интеллектуальных способностей учащихся 3-го класса и апробировать на уроках русского языка эффективность предложенного методического инструментария. В исследовании принимали участие 22 ученика 3-го «Б» класса ГУО «Средняя школа № 10 г. Барановичи».

Диагностика уровня интеллектуального развития проводилась методами психологического исследования. Для определения уровня развития логического мышления нами использовались тесты-методики ученого Л. Ф. Тихомировой [3, с. 75]. Учащимся были предложены задания, направленные